

Дмитрий Анатольевич ЕРМОЛАЕВ

родился в 1969 году в городе Донской Тульской области.
Окончил историко-филологический факультет Мурманского
государственного педагогического института.

С марта 2008 года – сотрудник
Государственного архива Мурманской области.
Автор поэтических сборников «Август» (1992),
«По-иному – нельзя» (2019),
«Я по рождению – ратник Китежа» (2023).
Стихи, очерки, рассказы и переводы публиковались
как в местных, так и в центральных изданиях.

Член Мурманского отделения
Союза писателей России с 2000 года.

**Дмитрий
ЕРМОЛАЕВ**
г. Мурманск

**«Его называли сербы
русской сказкой...»**

* * *

Дерева дрогли, стыли крыши,
Деревенел на лужах лёд,
Но ни снежинки, словно свыше
Был запечатан небосвод.

Земля молила о ненастье,
И в изморози, как в пыли,
Похожие на космонавтов,
Прохожие по свету шли.

И будто в бубен, безыскусно,
Шаги шарахали в асфальт,
И в парке от мороза с хрустом
Ломалась мёрзлая трава.

И истощилась вера в чудо,
И сил не оставалось ждать,
Когда неведомо откуда
Упала белая звезда.

Ещё одна, и сразу стая,
И – валом, будто одурев.
И мы снежки из них катаем
И строим крепость во дворе.

Посланцы неба под ногами
Лежат, покорны и тихи.
Так рифмы к нам приходят сами,
Так начинаются стихи.

БАЛАШОВ В ДОВОЕННОМ КОСОВО

Его называли сербы русской сказкой,
Смеялись, вы, мол, видели такого,
Когда он со своей ворвался пляской
В балканское неистовое коло.

Качали головами – вот же странный,
Старик, но как красиво танцевал он.
Никто не знал, что он писал романы,
Где прошлое России оживало.

А было это всё на сербской свадьбе,
В том Косово, что полем битвы станет.
Ах, живы ли те сербы, вот узнать бы,
И помнят ли ещё тот жаркий танец

У церкви, что спалит толпа албанцев,
Где падали сквозь узкие оконца
На странников, по-сербски будет «странцев»,
Лучи косые косовского солнца.

* * *

Хотите поверьте, хотите проверьте,
Но в юности время не шло, а летело,
И мы рассуждали о жизни и смерти,
Как взрослые люди, со знанием дела.

И жизнь рисовали себе как прогулку,
В мечтах возносились всё выше и выше,
А смерть поджидала — ножом в переулке,
Отчаянным шагом с полуночной крыши.

Мы будто смотрели сквозь тонкую плёнку
Вокруг, как в кино боевик интересный:
Вот, рядом, идут из Чечни похоронки,
Вот, возле, аварии, взрывы, болезни.

Был страх, оттого что опасности близко,
Споткнись, и накроют, как сель, как цунами,
И буйство восторга, и оторопь риска:
Впритирку, на грани, но беды не с нами.

И, что бы ни выпало, верили в чудо —
В бессилие злобы, бессмысленность денег,
И знали, что с нами плохого не будет,
Что нас обойдёт, сохранит, не заденет.

А время врубило форсаж до предела,
Ну что с него взять — равнодушная сила,
И нас-то с тобой обошло, не задело,
Но столько хороших ребят зацепило.

И вот они там — на небесной на тверди,
А память бунтует, а сердце скучает,
А плёнка, что жизнь отделяет от смерти,
Тончает, тончает, тончает, тончает.

* * *

Смотрю в окно, распахнутое в небо
к таким усталым, но бессонным звёздам,
И чувствую неясное томленье
и ощущаю странное родство —
Подумайте — мельчайшие частицы,
из коих сам я был Всевышним создан,
Не утлые пылинки мироздания,
но звёздное, возможно, вещество.

Они во тьме взрывались и светились,
свивались в языки протуберанцев,
Пылали в топках ядерных реакций
и в космосе стремительно неслись,
Чтоб утром я смотрел за чашкой кофе
футбол (как наши выбили испанцев),
А вечером в окне раскрытом видел
бездонную таинственную высь.

Но это тело — только передышка,
а после смерти — продолженье странствий.
Парад метаморфоз и превращений,
зарницы жизни — сложной и простой.
Настанет миг — мои глаза и руки,
разъятые, парящие в пространстве,
В ином порядке вдруг соединятся
и засияют новою звездой.

* * *

Выпал снег и подтаял,
Проступила трава,
Как раскрытая тайна,
Как во мгле острова.

Стал чужим, незнакомым
Надоевший пейзаж,
И надулись над домом
Облаков паруса.

И тревожно забило
Сердце в колокола,
И душа обновилась
И на миг замерла.

Дунул ветер с восхода
И в дорогу позвал.
А всего-то — погода.
А всего-то — трава.

* * *

Тундра, степь, леса, пески, болотина:
Предки шли — ногами грязь месили —
День за днём выхаживали Родину,
Как урок Россию проходили.

Влажным и сухим дышали воздухом,
Холод выносили, зной терпели,
Ни больничных не было, ни отпуска:
Если жив — вставай и топай к цели.

Нити троп протягивали путники,
Мир на них низали — дальше — больше,
И страну сшивали по лоскутику
От Аляски до строптивой Польши.

Считанные минули столетия,
Но сегодня всё кругом иначе —
Предков путеводное наследие
Не храним, а потеряв, не плачем.

— Доходяги! Хватит дурью маяться!
Двадцать первый век — машин навалом!
Мир трещит по швам и разъезжается
Штопаным лоскутным одеялом.

И страна, что нами не исхожена,
Кажется прихожей заграницы.
Кто мы ей? Попутчики? Прохожие?
Или по-простому — проходимцы?

Мечем в небо самолёты-сулицы,
В поездах кочуем по планете,
Но зовёшь друзей: «Айда на улицу», —
Не идут — застряли в интернете.

Сходны будни, безысходны праздники,
Путаны сети всемирной путы...
И с путей предвечных деды-странники
Плунут вслед последышам беспутным.

Отчего не нам в краю непознанном
Ветер странствий обжигает кожу?
Может, правнук дальний в дальнем космосе
Тропы небывалые проложит.

* * *

Забуть о скуке и лени,
О жизни сонной и косной,
В глухой таёжной вселенной
В Россию выйти, как в космос.

Ломиться в жарком скафандре
Сквозь стынь без меры и края,
Переть вперёд, Ихтиандром
В пучине снежной ныряя.

Пахать, как трактор на грядках,
Как петь любимую песню,
Своё тепло без остатка
Отдать мороженой бездне.

Счастливым быть — без вопросов,
Без водки, гаджетов, нервов,
Миров непознанных россыпь
Открыть, как банку консервов.

Страну, как с устали воздух,
Вбирать в себя всей натурой,
Пропасть на поприщах звёздных
Меж Мурманском и Амуром.

В пространство кануть, как в омут,
В колючей тьме раствориться,
Исчезнуть так, что не смогут
Найти и сто экспедиций.

Сгорев за гранью извечной,
Где гаснет пламя былое,
Простором стать бесконечным,
Родимой мёрзлой землёю.

Объять и травы сухие,
И солнца жгучие космы,
И знать — однажды другие
Шагнут в Россию, как в космос.